

III

М. П. Алексеев

О МИРОВОМ ЗНАЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА

Вопросы, поднятые здесь сегодня, представляются мне очень существенными. Было бы очень хорошо, если бы о проблемах, которых коснулся Я. Е. Эльсберг в своем докладе, можно было поговорить подробнее в специальной аудитории, может быть на одной из очередных Всесоюзных пушкинских конференций.

В докладе на пленарном заседании настоящей конференции я имел возможность только попутно, вскользь коснуться вопроса, затронутого и Я. Е. Эльсбергом,—почему Пушкин стал известен за рубежом так поздно, спустя много десятилетий после его гибели? Для меня несомненно, что и сейчас для зарубежных читателей историческое значение Пушкина раскрылось еще не вполне. Они знают только зрелого Пушкина, притом прозаика по преимуществу; Пушкина в истории его становления, в его борении с литературными и общественными силами они не знают до сих пор. И в этом нет, разумеется, ничего изожиданного: и в сознании русских читателей любой крупный западноевропейский писатель воспринимается зачастую в некоей искусственной изоляции от создавшей его исторической и литературной среды, получает значение вневременного явления, сопоставляемого не с его современниками, но с писателями близкими, знакомыми для данного читательского круга. Разумеется при этом, что особенности восприятия читателями иностранного классика всецело зависят не только от суммы общих культурно-исторических сведений о породившей его стране, но в значительной мере также и от тех стилистических качеств, которые приданы его произведениям переводчиками. Именно поэтому нас должны интересовать не только переводы данного классического писателя, но и та критическая и исследовательская литература, которая ему посвящена на языках этих переводов.

В этом смысле наш интерес к тому, что пишется и писалось о Пушкине на иностранных языках, вызывается не простым любопытством, изучение зарубежной литературы о Пушкине необходимо для того, чтобы составить полное представление об особенностях восприятия его зарубежными читателями. К сожалению, этой существенной стороной дела у нас нередко пренебрегают; поэтому все важнейшие этапы восприятия Пушкина за рубежом и происходящие в этом процессе сдвиги еще остаются у нас недостаточно освещенными. Я позволю себе в этой связи обратить внимание на несколько разрозненных фактов, представляющих, как мне кажется, некоторый интерес. В 1955 г. французский исследователь Шарль Корбе в статье «Оригинальность «Каменного

гостя»¹, сопоставив маленькую трагедию Пушкина со многими западноевропейскими произведениями на тот же сюжет о Дон Жуане, интересно показал, насколько своеобразна и полна неповторимого идейного и художественного смысла трактовка Пушкина, какое самостоятельное место занимает его «маленькая трагедия» среди других произведений о том же испанском герое. Статья Ш. Корбе интересна и потому, что она ясно обозначает новый этап в постижении Пушкина западноевропейской наукой; предшественники Ш. Корбе (которых он, впрочем, не называет), например Дешанель, Жанدارм де Бевотт и другие, судили о «Каменном госте» Пушкина более легкомысленно, пользуясь сведениями из вторых рук и неясно представляя себе это его произведение.

Можно привести и другой, как мне кажется, еще более показательный пример. В 1949 г. английский исследователь Г. Гиффорд опубликовал небольшую статью о «Пире во время чумы» Пушкина и об отношении этого произведения к английскому оригиналу. Хорошо известно, что источником Пушкина была драматическая поэма Вильсона «Город чумы» (4 сцена 1-го акта). Внимательно сопоставив пушкинскую «маленькую трагедию» с ее первоисточником, Гиффорд пришел к заключению, что Пушкин «пересоздал свой оригинал, превратив его в чистое золото». При этом Гиффорд сослался и на слова Белинского, считавшего, что «Пир во время чумы» — «не отрывок, а целое, законченное произведение» русского поэта². Самостоятельное значение этого произведения Пушкина подчеркнуто в настоящее время целой серией переводов «Пира во время чумы» на западноевропейские языки, в том числе и на английский, немецкий и французский, сделанных в последнее десятилетие.

Оба приведенных примера свидетельствуют, как мне кажется, о том, что именно в наше время мировое значение пушкинской поэзии начинает более явственно чувствоваться и за рубежом: многократные переводы его произведений и сильно разросшаяся критическая и исследовательская литература о нем на европейских языках сделали свое дело; еще большее значение имело широкое распространение русского языка, доставившее возможность читать Пушкина в русском подлиннике. Однако мы далеко еще не все знаем о международной репутации Пушкина в более старые годы; некоторые новейшие разыскания в этой области представляют интерес, так как освещают совершенно новые стороны интересующего нас вопроса. Так, например, недавно стало известно, что Пушкиным заинтересовался еще в XIX в. один из бразильских поэтов — классик национально-бразильской литературы Олаво Билак. Перу Билака принадлежит хороший поэтический перевод на португальский язык стихотворения Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный». Этот перевод входит в собрание стихотворений О. Билака и в настоящее время знаком каждому образованному бразильцу. Нам этот перевод известен по 12-му изданию «Pocsias» O Bilac'a (Livraria Francisco Alves, Rio, 1926), где он включен в цикл «Alma Inquieta»; начало его звучит так:

O Cavaleiro pobre

(A. Puschkin)

Nirguém soube quem era o Cavaleiro pobre,
Que viveu solitário, e morreu sem foliar;
Era simples e sóbrio; era valente e nobre
e palido como o luar.

¹ C. Corbet. L'originalité de «Convive de Pierre» de Pouchkine.— «Revue de littérature comparée», 1955, N 1, p. 48—71.

² H. Gifford. Pushkin's Feast in the time of plague and its original.— «American Slavic and East European Review», 1949, vol. VIII, N 1, p. 37—46.

Жил на свете рыцарь бедный,
 Молчаливый и простой,
 С виду сумрачный и бледный,
 Духом смелый и прямой.

Перевод этот интересен потому, что он точен и отличается поэтическими качествами. Однако мы и доныне ничего не знаем об истории его возникновения. Как и когда стихотворение Пушкина стало известно Билаку, откуда заимствовал он его текст, с какого перевода делал свой? Эти вопросы остаются еще совершенно непроясненными. Между прочим, стоит отметить, что стихотворение Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный» известно было в немногих переводах на западноевропейские языки, и для того, чтобы его найти в каком-то неизвестном для нас источнике и сделать предметом своего поэтического пересоздания, Олаво Билак безусловно должен был предварительно ознакомиться шире с лирикой Пушкина.

Не удивительно, что в XX столетии (в особенности между двумя юбилейными пушкинскими датами 1937 и 1949 гг.), в литературах французской, английской, немецкой, североамериканской и т. д., где имя Пушкина и ранее было известно довольно широко, постепенно утверждалось представление о международном значении его творчества. В исследовательской литературе этих стран о Пушкине нередко можно встретить весьма интересные наблюдения, которые стоит учесть и нашим пушкиноведам. Любопытно, например, что «шекспиризм» Пушкина за последние годы подвергался за рубежом многократному и многостороннему изучению и что такое произведение, как «Борис Годунов» (не только благодаря музыке М. П. Мусоргского), давно уже было объявлено одним из шедевров мировой драматургии. Могу указать, в частности, на интересную монографию Эрнеста Рейнольдса о ранней викторианской драме в Англии между 1830 и 1870 гг.³ Э. Рейнольдс, характеризуя восторженное значение английской драматургии в этот период по сравнению с драматической литературой других стран, прямо указывает на Пушкина, как на единственного писателя, который постиг тайну шекспировской драматургии, оставив позади себя всех тех английских писателей, которые пытались идти по тому же пути. Имя Пушкина стоит на первой странице монографии Рейнольдса, утверждающего, что «Англия не создала ни одного великого драматурга в середине XIX в., ни Пушкина, ни Ибсена, ни даже Островского, ни Мюссе...».

Все приведенные примеры, как мне кажется, свидетельствуют, что всеобъемлющий и необыкновенный по своему масштабу и универсальному значению гений Пушкина может быть понят только после многих усилий, которые мы еще должны положить на то, чтобы сопоставить его творчество со многими разновременными явлениями в мировой литературе. Я хотел бы только подчеркнуть, что речь идет именно о «мировой литературе», а не только о литературах Западной Европы, которые Я. Е. Эльсберг преимущественно имел в виду в своем докладе. Конечно, весьма существенно определить, какое место в литературе XIX в. занимает Пушкин наряду с такими писателями, как Вальтер Скотт или Бальзак, общеевропейское значение которых неоспоримо. Но проблема «Пушкин и мировая литература» этим не исчерпывается, а в известной мере даже сужается. Пушкин воздействовал на литературы многих стран — не только европейских — и воздействовал весьма свое-

³ E. Reynolds. Early Victorian drama. Cambridge, 1937.

образно, может быть, даже не столь прямолинейно, как названные выше писатели, но в многообразных жанровых планах и зачастую в очень неожиданной идейной связи. Его лирика, проза и драматургия, каждая по-своему, замечалась, воссоздавалась на чуждых языках, вызывала на соревнование литературных деятелей разных стран. Мировое значение Пушкина раскроется для нас только тогда, когда мы изучим в отдельности все многообразные формы его воздействия на различные литературы мира и все особенности его усвоения в каждой из них. Некоторые литературы только в последние годы начинают приобщаться к его творчеству, и формы его воздействия еще недостаточно определились. Таковы, например, литературы современной Индии. В 1958 г., например, на язык хинди переведены были и изданы «Цыганы» — первое произведение Пушкина на этом языке; годом ранее в Калькутте издан был впервые на бенгальском языке томик прозы Пушкина, переведенной молодым переводчиком Шунилем Бхоттачарджи⁴. Выбор произведений Пушкина для перевода на бенгали в этом издании кажется несколько случайным: сюда вошли «Пиковая дама», «Кирджали», «Арап Петра Великого» и «Роман в письмах». Почему переводчик остановился на этом последнем произведении? Это остается для нас не очень ясным; тем не менее здесь нет, вероятно, никакой случайности, как и в том, что в арабской литературе после единственно переведенного на арабский язык в 30-х годах «Арапа Петра Великого» в конце 50-х годов в Сирийском районе Объединенной Арабской Республики появился перевод «Капитанской дочки».

Смысл моего краткого выступления в том, чтобы показать на нескольких наудачу выбранных примерах, что проблема «Пушкин и мировая литература» представляется весьма важной и крайне привлекательной для советского литературоведения. Доклад Я. Е. Эльсберга, поставивший эту проблему, очень интересен и плодотворен, но, с моей точки зрения, выставленные автором положения, несомненно правильные во многих отношениях, а кое в чем и спорные, должны были бы быть проверены на большем и более разностороннем материале. В этом смысле нам необходимо шире пользоваться и зарубежной литературой о Пушкине, с которой мы знакомы поверхностно и данными которой, с естественной критической осторожностью, нам необходимо пользоваться более систематически.

Ю. Г. Оксман

НАСЛЕДИЕ ПУШКИНА И СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Доклад Я. Е. Эльсберга «Пушкин и развитие мировой литературы» обсуждается на конференции, имеющей большое теоретическое значение, подводящей первые итоги нашим изучениям проблемы взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур.

Ответственность и острота доклада определяется прежде всего тем, что, избрав объектом своего исследования Пушкина и его роль в развитии мировой литературы, Я. Е. Эльсберг должен был исторически и теоретически осмыслить самый факт далеко не достаточного знакомства деятелей передовой литературы Запада и Востока с литературным

⁴ В. Новикова. Пушкин на бенгальском языке.— «Русская литература», 1958, № 2, стр. 209—211.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М.ГОРЬКОГО

ВЗАИМОСВЯЗИ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
НАЦИОНАЛЬНЫХ
ЛИТЕРАТУР

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИИ

11—15 января 1960 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1961